

Л. А. ЕВСТИГНЕЕВА

Прозревая будущее...

(М. А. Волошин и революция 1905–1907 гг.)

В статье «Пророки и мстители» М. Волошин писал: «В жизни человека есть незабываемые моменты, неизменные жесты и слова, которые повторяются в каждой жизни с ненарушимым постоянством: смерть, любовь, самопожертвование. Именно в эти моменты никто не видит и не чувствует их повторяемости; для каждого, переживающего их, они кажутся совершенно новыми, единственными, доселе никогда не бывавшими на земле. Подобными моментами в жизни народов бывают Революции»¹. Предчувствие неизбежно надвигающейся Революции — а это слово Волошин часто писал с большой буквы — появилось у поэта незадолго до трагических событий 9 января.

В самом начале 1905 года Волошин приехал в Москву. 7 января у Саввы Мамонтова он вел разговор о бунтах и «крестном ходе в Кремле». 9 января в 9 часов утра Волошин прибыл в Петербург, видел войска на Невском проспекте. Он оказался, свидетелем расстрела тысяч безоружных людей. Свои впечатления Волошин отразил в статье «Кровавая неделя в Санкт-Петербурге». Волошина прежде всего интересует психология толпы, ее реакция, ее поведение. «Странная и почти невероятная вещь: в толпу стреляли, а она оставалась совершенно спокойной. После залпа она отхлынет, потом снова возвращается, подбирает убитых и раненых и снова встает перед солдатами как бы с укором, но спокойная и безоружная»².

Это поведение Волошин определяет как «мятеж на коленях». Люди не верили, что солдаты осмелятся стрелять в них, но те стреляли прямо в упор, стреляли после того, как трубы заиграли сигнал: «в атаку!» Постепенно изумление сменялось гневом, спокойствие — возмущением. Вечером в понедельник на темных улицах уже стреляли по солдатам. Размышляя о событиях дня, Волошин делает вывод, что 9 января знаменовало собой крах самой идеи самодержавия. «Девиз русского правительства «Самодержавие, православие и народность» повергли

во прах. Правительство отринуло православие, потому что оно дало приказ стрелять по иконам, по религиозному шествию. Правительство объявило себя враждебным народу, потому что оно отдало приказ стрелять в парод, который искал защиты у царя. Эти дни были лишь мистическим прологом великой народной трагедии, которая еще не началась. Зритель, тише! Занавес поднимается...»³.

Статья «Кровавая неделя в Санкт-Петербурге» была опубликована на французском языке как рассказ очевидца о событиях в России. Однако существует более ранний отклик Волошина на события 9 января. Это запись в дневнике, озаглавленном «История моей души», которая сделана 10 января. Волошин приводит письмо Гапона, обращенное к народу, фиксирует беглые впечатления дня, рисует уличные сценки: «Сзади команда: «Шашки наголо!» Бежит толпа. Звон разбитых стекол. Фонари гаснут. Улица пуста. Дальше к Невскому снова конные разьезды»⁴. Он замечает первое зарождение протеста, вспышки народного гнева, ироническое отношение рабочих к «доблестным» защитникам престола, стреляющим в народ: «Конные Порт-Артур обратно берут! Мы-то вас кормили! Артиллерия скачет карьером при свисте и хохоте толпы. «Ах вы, православные»»⁵.

Война царизма с собственным народом произвела на Волошина неизгладимое впечатление. Обострилось пророческое предчувствие конца империи Романовых, укрепилась уверенность в том, что «прошли века терпенья». Тема неизбежно грядущего возмездия, народного гнева, сметающего с лица земли всех деспотов и тиранов, властно зазвучала в творчестве Волошина 1905–1906 годов («Предвестия», «Ангел мщеница», «Голова madame de Lamballe»).

Считается, что революция 1905 года прошла мимо внимания Волошина, почти не оставив следа в его творчестве. Этому способствуют некоторые признания самого поэта. 24 октября 1905 года он писал А. М. Петровой: «Русская революция повергает меня в какое-то скучное безразличие. Я не могу ею захватиться, упрекаю себя и в то же время остаюсь совершенно равнодушен»⁶. Действительно, впечатления от пребывания в Петербурге вскоре были заслонены событиями личной жизни поэта.

В 1905 году Волошин переживал бурный роман с М. В. Сабашниковой.

<...>

Напряженность и драматизм духовной жизни поэта в 1905–1906 гг. обострились благодаря его увлечению буддизмом, масонством, теософией, встречей в Париже с Рудольфом Штейнером, которому Волошин, по его словам, был обязан «познанием самого себя». Духовные искания этих лет впоследствии он сам определил как «блуждания духа». В 1905 году поэт проходит «мистерию готических соборов», отразившуюся

в цикле «Руанский собор». Он читает Каббалу, масонскую литературу, «Эзотерический буддизм» Синнета, пытается дать собственное толкование «12 дзянам». Возникает цикл «Когда время останавливается», стихотворения «Зеркало», «Мир закутан плотно» и др.

20 июля 1905 года Волошин пишет М. В. Сабашниковой: «Я вчера в Трокадеро рассматривал гробницу герцога Бретонского Нантского собора. Помните, там женская фигура Магии-Знания? У нее зеркало в руке. Она смотрит в него отраженным взглядом. Ее глаза приподняты. Веки узкие — и детские, и старческие — очерчены тонкими линиями. Губы горькие и знающие. И поцелуй, как ледяной меч. Это дева-Полынь. А сзади у нее другая голова — грустная, старческая. Старец с большой бородой, унылым лицом. Я говорил себе, что это — моя дорога. Люди не должны встречаться со мной, и я должен избегать людей. И душа моя будет равнодушно радостна, если я не буду видеть человеческого пламенеющего сердца».

«Познание самого себя» у Волошина оборачивалось порой желанием встать поодаль от человеческих бед и радостей, возвыситься до олимпийской «космической» точки зрения на жизнь. Его лирический герой — «прохожий, близкий всем, всему чужой». Но опрометчиво делать отсюда вывод, что Волошин был холодным эстетом, которого не трогало ничто, кроме бесконечной радости познания, кроме Магии-Знания. В то же самое время он писал М. В. Сабашниковой: «Мои планы: я буду читать по теософии и по революции. Я хочу написать, целый ряд стихотворений о революции»⁷.

24 июля 1905 года вечером Волошин уезжает в Руан, чтобы посетить знаменитый готический собор, а утром ходит по старому Парижу, останавливаясь на месте казни тамплиеров и Марии-Антуанетты. Возвращаясь из художественной мастерской Жюльена, где работала жившая в Париже Сабашникова, он идет читать о мадам де Ламбаль, казненной революционным народом в 1792 году. «История французской революции» Жюль Мишле, которую Волошин внимательно изучает, вызывает у него раздумья о русской революции и соответствующие ассоциации. Иными словами, мысль о неизбежности революции не покидает его.

Письма Волошина 1905 года к невесте полны откликов на события в России. Он сообщает ей о восстании на Черноморском флоте, о броненосце «Потемкин», пишет о своем свидании с В. Бурцевым, размышляет о безволии и инфантильности Николая II. Те же мысли в письмах к матери и к А. М. Петровой. 16 (29) мая он пишет Е. О. Волошиной: «Безусловно, это начало революции. Именно только первое начало, а не продолжение 70-х годов, так как, вероятно, это движение пойдет совсем иным путем». А ниже: «Страшно даже как-то верить в то, что это «начало»: до такой степени это кажется неожиданным счастьем»⁸.

Еще более смело — в письме к М. В. Сабашниковой 4 июля 1905 года: «В слабости, безволии, чувствительности и слепоте Николая II есть что-то, что ясно указывает на его обреченность». «Сознание священной неизбежности казни царя во мне теперь растет не переставая: это чувствовалось еще в январе в Петербурге, но неясно и смутно. И это — не месть, а искупление»⁹.

Тема неизбежно грядущего возмездия с необычайной силой прозвучала в стихотворениях Волошина, опубликованных в парижском журнале «Красное знамя»: «Ангел мщения» и «Голова madame de Lamballe»¹⁰. Герой стихотворения «Ангел мщения» — по определению Волошина — «Ангел Справедливости и Отмщения, кровавый Ангел Тамплиеров, Ангел, у которого в руках меч, у которого глаза всегда завязаны, а одна чаша весов всегда опущена...»¹¹. Он обращается к русскому народу с призывом пролить кровь за кровь. Тяжело падают пророческие слова, перевешивает та чаша весов, куда сложены преступления тирана:

Меч справедливости, карающий и мстящий,
Отдам во власть толпе...

Однако Волошина пугает льющаяся кровь, в словах Ангела мщения ему слышится не только призыв к отмщению, но и прославление жестокости, как таковой, упоение убийством. Верный библейской заповеди «Не убий!», Волошин предостерегает:

Не сеятель сберет кровавый колос сева,
Поднявший меч погибнет от меча,
Кто раз испил хмельной отравы гнева,
Тот станет палачом иль жертвой палача.

Христианский пацифизм, существенно ограничивая видение мира Волошина-художника, мешал правильному постижению исторических событий первой русской революции.

В стихотворении «Предвестия», навеянном Девятым января, Волошин сравнивает убийство Юлия Цезаря с событиями Кровавого Воскресенья. Поэт склонен видеть в них мистическое предвестие грядущих событий, пророческий жест богини возмездия Немезиды: «Умей читать условные черты». 9 января для него лишь начало революции:

Уж занавес дрожит перед началом драмы,
Уж кто-то в темноте, всезрящий, как сова,
Чертит круги и строит пентаграммы,
И шепчет вещи заклятья и слова...

Для Волошина необычайно характерно выражение «кто-то в темноте». Будучи мистиком-идеалистом, он не мог распознать истинные движущие силы русской революции, но почувствовал и выразил ее неизбежность. Рассказывая, как расправился французский народ с приближенной королевы Марии-Антуанетты, принцессой де Ламбаль, он как бы выступает от лица парижской черни. Картина хмельного кровавого пира, «священного безумья народа» дана в стремительном музыкальном ритме, круженье плавного бального танца нарушается торжеством вакханалии. Не случайно возникают строки:

Пел в священном безумье народ.
И, казалось, на бале в Версале я...
Плавный танец кружит и несет...

Отрубленная голова мадам де Ламбаль, вздетая на пику, становится символом народной мести, революционного гнева:

Точно пламя, гудели, напевы.
И тюремную узкою лестницей
В башню Тампля, к окну королевы
Поднялась я народной вестницей...

В автобиографии Волошин писал: «Интерес к оккультному познанию был настолько велик, что совершенно отвлек меня от русских событий 1905 года и удержал меня вдали от России. Первую русскую революцию я увидел в том преображении, которое выразилось в моем стихотворении «Ангел мщениа»...»¹². Поэт воспринял события 1905 года сквозь призму собственного мироощущения. Нельзя сказать, что Волошин понял русскую революцию, но он принял ее. При этом в событиях 1905 года поэт почувствовал дыхание другой, пока еще отдаленной, но неизбежной грозы.

В статьях Волошина, написанных в этот период («Во времена революции», «Тайная доктрина средневекового искусства», «Разговор»), настойчиво звучит мысль о приближении «катастрофы психологической, которая все потрясения перенесет из внешнего мира в душу человека»¹³. Опаленная дыханием революции, душа Волошина обращается к мировой поэзии и шире — к историческому опыту человечества, пытаясь найти объяснение переживаемого момента.

Летом 1905 года он берется за переводы из Верхарна.

<...>

Обреченность русского самодержавия как наиболее омерзительного проявления деспотизма была абсолютно ясна Волошину еще в 1905 году.

Кошмар российской действительности в период подавления революции: жертвы 9 января, залитая кровью Москва, военно-полевые суды, карательные экспедиции, ежедневные казни, — все это отразилось в поэзии Волошина в сложной опосредованной форме. Библейские образы, мистические пророчества, космический гиперболизм скрывали мироощущение поэта, задыхающегося в кровавом бреде бытия. О том же свидетельствует неопубликованное стихотворение Волошина, сохранившееся в одной из его творческих тетрадей. Эпиграфом к нему служат слова профессора П. Минакова из статьи, опубликованной в «Русских ведомостях» (1905, № 244): «Казнимый может при известных условиях остаться живым...»

Волошин пишет:

Лежать в тюрьме лицом в пыли
Кровавой тушей теплой, сильной...
Не казнь страшна, не возглас «пли!»,
Не ощущение петли мыльной,

Нельзя отшедших в злую тень
Ни потревожить, ни обидеть.
Но быть казнимым каждый день!
И снова жить, и снова видеть...

Жестокая физиологичность образов сочетается здесь с предельной искренностью тона. Кажется, будто петля обвилась вокруг шеи самого поэта — так остро он ощущает смертную муку казнимой палачами России. И как противоречат эти строки расхожему утверждению, будто Волошин в 1905–1906 годах был всего лишь изощренным эстетом, странником по запредельным мирам, позером и холодным книжником¹⁴.

В исследовании о творчестве Верхарна Волошин писал, что «поэт должен занять такую перспективную точку зрения, откуда он мог бы увидеть всю современность сверху, целиком включенную в общее нарастание истории, как один из связных актов человеческой трагедии». Но, по его словам, «пророчественность подобна дальнорюкости: она различает только далекое и не видит близкого»¹⁵. Думается, что в этих словах поэт отразил существенные особенности собственного творческого метода.

Реальные события революции 1905–1907 годов запечатлелись в поэзии Волошина далеко не однозначно. Преображаясь в его сознании, обретая двойной и тройной тайный смысл, они безмерно выросли, включив в себя и опыт прошлых веков, и философские раздумья, и тайные прозрения. К тому же зеркало, в котором причудливо отразились эти события, было направлено прежде всего в глубь причудливого и сложного мира собственной души поэта.

Вместе с тем первая русская революция не прошла для Волошина бесследно. Она всколыхнула его сознание, проникла в самые сокровенные тайники творчества. Именно за эти годы сформировалась отношение Волошина к насилию, к террору, бунтарское свободолюбие, пророческая дальнорукость и характерная для него социальная близорукость.

События 1905–1907 годов обострили национальное самосознание Волошина, пробудив мысли о роли русского народа в освобождении всего человечества. В 1919 г. поэт писал:

Не нам ли суждено изжить
Последние судьбы Европы,
Чтобы собой предотвратить
Ее погибельные тропы.

Марина Цветаева в воспоминаниях «Живое о живом» заметила, что Волошин «стал и останется русским поэтом. Этим мы обязаны русской революции»¹⁶.

<1981>

